

Глава 11

Суд над будущим

Утро. Бледное зимнее солнце встает над Москвой, и на заснеженные крыши древнего города ложится неясный свет. В 9 часов утра 3 февраля 1718 года в Тронном зале Кремлевского дворца собрались на важное совещание все вельможи России. Министры и другие высшие правительственные чиновники, верхушка духовенства, представители знатнейших родов сошлись здесь, чтобы стать свидетелями исторического события: лишения царевича прав на престолонаследие и провозглашения нового наследника русского трона. Драматичность и опасность момента подчеркивало присутствие в Кремле трех батальонов Преображенского полка, которые с заряженными мушкетами стояли в оцеплении вокруг дворца.

Первым прибыл Петр и занял свое место на троне. Потом Толстой ввел Алексея. Статус царевича стал ясен каждому: он был без шпаги, а следовательно, являлся арестантом. Алексей немедленно подтвердил это – он направился прямо к отцу, упал на колени, признал свою вину и просил простить его преступления. Петр велел сыну встать, и было оглашено письменное признание царевича: «Всемиловитейший государь-батюшко! Понеже узнав свое согрешение пред вами, яко родителем и Государем своим, писал повинную и прислал оную из Неаполя; так и ныне оную приношу, что я, забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении. В чем прошу милостиваго прощения и помилования».

Затем царь официально обвинил сына в том, что он не слушался отцовских приказов, пренебрегал женой, связался с Евфросиньей, дезертировал из армии и, наконец, позорно бежал в чужую страну. Петр во всеуслышание объявил, что царевич просит только сохранить ему жизнь и готов отречься от наследования. Из милосердия, продолжал Петр, он обещал Алексею прощение, но только при условии, что будет выявлена вся правда о его прошлых проступках и имена всех его сообщников. Алексей без возражений последовал за Петром в маленькую соседнюю комнату и поклялся, что только Александр Кикин да слуга Иван Афанасьев знали, что он задумал бежать. Затем отец с сыном вернулись в Тронный зал, где вице-канцлер Шафиров зачитал отпечатанный манифест. В документе перечислялись обвинения против царевича, объявлялось, что ему даровано прощение, но что он лишается наследства, и провозглашался новый наследник престола – двухлетний сын Екатерины, царевич Петр Петрович. Из дворца все собрание проследовало через двор Кремля в Успенский собор, где царевич поцеловал Евангелие и крест и поклялся на святых реликвиях, что после смерти отца станет верным подданным своего младшего сводного брата и не будет пытаться взойти на трон. Все присутствующие тоже принесли присягу на верность новому престолонаследнику. Вечером этот манифест был обнародован, и в следующие три дня всем жителям Москвы предлагалось явиться в собор и тоже присягнуть новому наследнику. Одновременно в Петербург, к Меншикову и в Сенат отправились гонцы с распоряжением привести к присяге Петру Петровичу как наследнику престола весь гарнизон, дворянство, горожан и крестьян.

Эти две церемонии в Москве и Петербурге, казалось, поставили в деле царевича точку. Алексей отрекся от притязаний на трон, провозглашен новый наследник. Чего же еще желать? Как оказалось, очень и очень многого. Страшная драма только начиналась.

* * *

Зачитанный на кремлевском заседании манифест Петра, в котором прощение ставилось в зависимость от того, назовет ли Алексей имена своих советчиков и доверенных лиц, внес в отношения отца с сыном новый оттенок. По сути дела, царь нарушил обещание, данное царевичу Толстым в замке Сант-Эльмо: там Алексею сулили безусловное прощение, если он вернется в Россию. Теперь же от него потребовали назвать всех «сообщников» и рассказать о

всех подробностях «заговора».

Причина, конечно, состояла в терзавшем Петра желании выяснить, как далеко зашла угроза трону, а то и его собственной жизни. С каждым днем царь укреплялся в намерении узнать, кто из его подданных, а может даже из собственных советников и приближенных, втайне принял сторону сына. Он не мог поверить, что Алексей сбежал без чьей-либо помощи и без какого бы то ни было тайного умысла. Поэтому, с точки зрения Петра, налицо была уже не просто семейная драма, а политическое противостояние, от исхода которого зависело будущее всех его начинаний. Он сделал наследником другого сына, но Алексей был по-прежнему жив и на свободе. Мог ли Петр испытывать уверенность, что после его смерти те же вельможи, которые, опережая друг друга, подписывали присягу двухлетнему Петру Петровичу, не переменят столь же поспешно свои клятвы и не бросятся поддерживать Алексея? Более того, как мог он и дальше жить в окружении знакомых лиц, не зная доподлинно, где лицо, а где личина?

Измученный сомнениями, Петр решил добаться-таки до сути происшедшего. Первый этап расследования начался сразу же после оглашения манифеста, в Преображенском. Напомнив Алексею его обещание все открыть, Петр своей рукой написал список из семи вопросов, которые Толстой и передал царевичу вместе с предупреждением от царя, что, стоит ему хотя бы раз о чем-то умолчать или уклониться от ответа, он лишится полученного прощения. В ответ Алексей написал длинную бессвязную повесть о событиях своей жизни за последние четыре года. Настаивая, что только Кикин и Афанасьев заранее знали о побеге, он упомянул также еще ряд людей, которым рассказывал о себе и о своих отношениях с отцом. Среди названных оказались сводная сестра Петра, царевна Мария Алексеевна, Авраам Лопухин – брат первой жены Петра Евдокии, то есть дядя Алексея, сенатор Петр Апраксин – брат генерал-адмирала, сенатор Самарин, Семен Нарышкин, князь Василий Долгорукий, князь Юрий Трубецкой, царевич Сибирский, наставник царевича Вяземский и его духовник Игнатьев. Единственный человек, которого Алексей всячески старался обелить, была Евфросинья: «Она оныя письма спрятала в ларец... [и] о письмах твоих ко мне и от меня к тебе она не ведала. А когда я намерялся бежать, взял ее обманом, сказав, чтоб проводила до Риги и оттуды взял с собою и сказал ей и людям, которые со мною были, что мне велено ехать тайно в Вену для делания альянцу против Турка и чтоб тайно жить, чтоб не сведал турок. И больше они от меня иного не ведали».

Заполучив список имен, Петр послал срочное распоряжение Меншикову в Петербург, где жило большинство из названных Алексеем. Как только прибыли курьеры, городские заставы закрылись, и из города никого не выпускали ни под каким видом. Крестьян, привозивших продукты на рынки, обыскивали при выезде, чтобы никто из провинившихся не сбежал, укрывшись в простых санях. Аптекарям запретили продавать мышьяк и всякий другой яд на случай, если кто-то из обвиняемых изберет иную форму бегства.

Убедившись, что город на замке, агенты Петра нанесли удар. В полночь дом Кикина потихоньку окружили пятьдесят гвардейских солдат. Офицер вошел, обнаружил хозяина в кровати, схватил его и прямо в халате и ночных туфлях забил в кандалы и железный ошейник и увез прежде, чем тот хоть слово успел сказать своей красавице жене. Вообще-то Кикин едва не сбежал. Он заранее понял, что ему грозит опасность, и подкупил одного из денщиков Петра, чтобы тот в случае чего его предупредил. Когда Петр писал приказ Меншикову, этот денщик стоял у царя за спиной и сумел все прочесть. Он немедленно вышел из дома и отправил гонца в Петербург. Но посланец подоспел через несколько минут после ареста Кикина.

Меншикову приказано было арестовать также князя Василия Долгорукого, генерал-лейтенанта, кавалера датского ордена Белого Слона и руководителя созданной Петром комиссии для рассмотрения «подлогов и расхищений по провиантской части». По общему мнению, он был в большой милости у Петра, ибо только что вернулся вместе с царем из длившегося полтора года путешествия в Копенгаген, Амстердам и Париж. Меншиков окружил дом Долгорукого солдатами, потом вошел и объявил князю царский приказ.

Долгорукий отдал шпагу со словами: «Совесть моя чиста, а больше одной головы не снимут». Князя в кандалах доставили в Петропавловскую крепость. Тем же вечером Меншиков арестовал сенатора Петра Апраксина, Авраама Лопухина, сенатора Михаила Самарина и царевича Сибирского Василия. Кроме того, отправки в Москву ждали все слуги Алексея и еще девять человек в цепях.

В течение февраля в закинутую сеть попадало все больше и больше людей. В Москве и в Петербурге ежедневно шли аресты. Арестовали Досифея, епископа Ростовского, одного из самых влиятельных церковников в России, по обвинению в том, что он публично молился в церкви о здравии Евдокии и предрекал смерть Петра. Саму Евдокию и единственную оставшуюся в живых сводную сестру Петра, Марию, тоже арестовали и привезли в Москву на следствие. Петр сильно подозревал свою бывшую жену. Она состояла в сношениях с Алексеем и много бы выиграла, окажись ее сын на престоле. В тот день, когда Алексея лишили престолонаследия, Петр направил капитана гвардии Григория Скорнякова-Писарева в монастырь в Суздале, где Евдокия жила уже девятнадцать лет. Попад туда, Скорняков-Писарев обнаружил, что Евдокия давным-давно сбросила монашеское облачение и одевается как царственная особа. Он нашел на алтаре монастырской церкви запись «Молитвы за царя и царицу», в которой рядом стояли имена Петра и Евдокии, как будто царь никогда не разводился с женой. Наконец, Скорняков-Писарев открыл, что бывшая супруга и бывшая монахиня завела себе любовника, майора Степана Глебова, командира отряда, выделенного охранять ее в Суздале.

Сорокачетырехлетнюю Евдокию бросало в дрожь, когда она представляла себе, как отнесется ко всему этому гигант, некогда бывший ее мужем. Пока ее везли в Москву, она написала письмо и послала его вперед, чтобы оно попало к Петру раньше, чем она сама. Она молила: «Всемиловитейший государь! В прошлых годах, а в котором не упомяну, при бытности Семена Языкова, по обещанию своему, пострижена я была в Суздальском Покровском монастыре в старицы и наречено мне было имя Елена. И по пострижении в иноческом платье ходила с полгода и, не восхотя быти инокою, оставя монашество и скинув платье, жила в том монастыре скрытно, под видом иночества, миряною. И то мое скрытие явилось чрез Григорья Писарева. И ныне я надеюсь на человеколюбные Вашего величества щедроты. Припадая к ногам Вашим, прошу милосердия, того моего преступления о прощении, чтоб мне безгодною смертию не умереть. А я обещаюсь по прежнему быти инокою и пребыть в иночестве до смерти своея и буду Бога молить за тебя, Государя. Вашего величества низжайшая раба, бывшая жена ваша Авдотья».

Первоначальное обвинение против Евдокии не казалось слишком серьезным – письма, которыми обменивались Алексей с матерью, были редки и безобидны, – но Петр, раздраженный поведением бывшей жены, твердо решил доискаться до всех подробностей ее суздальского житья. Арестовали Глебова, отца Андрея – настоятеля монастыря и несколько монашек. Трудно поверить, что за двадцать лет никто не прослышал об образе жизни Евдокии и не донес об этом в Москву и что гнев Петра был вызван только оскорблением, нанесенным его чести. Скорее всего, ему не давала покоя уверенность в существовании заговора, нити которого могли идти через суздальский монастырь.

Арестанты стекались в Москву из Петербурга, Суздаля и других мест, и возле ворот Кремля собирались огромные толпы любопытных в надежде увидеть что-нибудь интересное или подхватить последние слухи. В Москву было вызвано высшее духовенство, придворные чины, генералы и гражданские чиновники и почти вся российская знать; ежедневные вереницы карет с вельможами и церковниками в сопровождении многочисленной челяди – тут было на что посмотреть.

Священнослужители понадобились, чтобы судить их собрата, епископа Ростовского Досифея. Его признали виновным, сорвали с него церковное облачение и передали светским властям для допроса под пыткой. Когда его раздевали, он обернулся к осудившему его духовенству и прокричал: «Разве я один виновен в этом деле? Загляните-ка в свои сердца, вы все! Что найдете там? Пойдите к народу, послушайте его. Что люди говорят? Чье имя

услышите?» Под пыткой Досифей не признался ни в чем, кроме расположения к Алексею и Евдокии; не удалось ни выбить из него признания, ни доказать никаких его преступлений или подстрекательских речей. И тем не менее, как было и со стрельцами два десятилетия назад, уже сама уклончивость полученных от Досифея ответов, казалось, раздражала Петра и подстегивала его копать еще глубже.

Ведущей фигурой следствия был сам Петр, который то и дело мчался из своего дворца через весь город в сопровождении всего двух-трех слуг. Вопреки обычаю всех прежних московских царей, он предстал не только как судия в древнем царском уборе, усыпанном самоцветами, восседающий во славе и мудрости на своем престоле, но и как главный обвинитель – в европейском платье: штаны, камзол, чулки и башмаки с пряжками, требующий правосудия от высших сановников державы, мирских и духовных. Стоя в Тронном зале, он гневно возвышал свой голос, доказывая, какой опасности подвергалось его царствование и как страшна государственная измена. Именно Петр излагал обвинение против Досифея, и когда царь закончил, епископ Ростовский был обречен.

К концу марта московская стадия следствия завершилась – совещание министров, заседавших в качестве временного верховного суда, вынесло свой приговор. Кикина, Глебова и епископа Ростовского осудили на медленную мучительную смерть; остальным назначили казнь попроще. Многих публично били кнутом и сослали. Второстепенные преступницы-женщины, как, например, суздальские монашки, подверглись принародной порке и были переведены в монастыри на Беломорье. Царицу Евдокию не стали наказывать телесно, но увезли в дальний монастырь на Ладожском озере. Там она оставалась под строжайшим надзором десять лет, до восшествия на престол ее внука, Петра II. Тогда она вернулась ко двору, прожила до 1731 года и умерла в правление императрицы Анны. Царевну Марию обвинили в подстрекательстве к неповиновению царю и посадили в Шлиссельбургскую крепость на три года. Ее выпустили в 1721 году, она вернулась в Петербург и в 1723 году скончалась.

Немало обвиняемых полностью оправдали или наказали легко. Царевича Сибирского сослали в Архангельск, сенатора Самарина оправдали. Обвинение против сенатора Петра Апраксина состояло в том, что он одолжил царевичу 3000 рублей при отъезде его из Петербурга в Германию. Когда в ходе следствия выяснилось, что Апраксин никаких сведений о задуманном бегстве иметь не мог и полагал, что Алексей едет к царю, он был также оправдан.

Князя Василия Долгорукого, признавшегося в сочувствии к царевичу, спасли от наказания мольбы его родственников, особенно старшего брата, князя Якова, который напомнил царю, что семейство Долгоруких издавна служит ему верой и правдой. Но все же Василий был лишен генеральского чина, его орден Белого Слона отослали обратно в Копенгаген, а самого его отправили в ссылку в Казань. Покидая Петербург, он получил разрешение попрощаться с царицей Екатериной. Он предстал перед ней в ветхом черном армяке, с длинной бородой и произнес долгую речь в свое оправдание, не забыв при этом пожаловаться, что ничего на свете у него не осталось, кроме того, во что он одет. Екатерина, мягкосердечная, как всегда, послала ему в подарок 200 дукатов.

Казнь осужденных на смерть происходила 26 марта на Красной площади, под стенами Кремля, при огромной толпе народа 200–300 тысяч человек, по свидетельству иностранных наблюдателей. Епископу Ростовскому и еще троим перебили молотом руки и ноги и предали несчастных медленной смерти на колесе. Еще худшая доля досталась Глебову, любовнику Евдокии. Сначала его били кнутом и жгли раскаленными прутьями и углями. Затем его растянули на доске, утыканной острыми шипами, вонзившимися в тело, и так оставили на три дня. Но он все равно не сознавался в измене. В конце концов он был посажен на кол. Рассказывали, что, когда он терзался в последних муках и деревянное острие пронзало его внутренности, к нему подошел Петр. Он предложил Глебову сознаться, и тогда его добились сразу, чтобы больше не мучить. Но Глебов будто бы плюнул Петру в лицо, и царь удалился.

Кикина, сознавшегося в том, что он советовал царевичу искать убежища у австрийского императора, тоже медленно замучили до смерти, время от времени приводя в чувство и давая отдохнуть, чтобы подольше продлить его страдания. На второй день его казни Петр подходил и к нему, Кикин на колесе все еще был жив и молил царя простить его и отпустить в монахи. Петр отказал, но проявил своеобразное милосердие – велел отрубить голову.

Девять месяцев спустя на Красной площади состоялся второй акт этого жуткого возмездия. Приятеля царевича, князя Щербатова, били кнутом, отрезали ему язык и вырвали ноздри. Наказали кнутом и еще троих, включая поляка-переводчика, служившего у Алексея. В отличие от русских, встречавших судьбу с великой покорностью, поляк изо всех сил сопротивлялся, отказался добровольно раздеться и лечь под кнут, так что пришлось сдирать с него одежду силой. Все эти люди остались в живых, но следующих пятерых умертвили. Это были Авраам Лопухин – брат Евдокии, духовник Алексея Игнатьев, слуга Афанасьев и еще двое людей из прислуги царевича. Всех приговорили к колесованию, но в последнюю минуту приговор смягчили и заменили на отсечение головы. Сначала умер священник, потом Лопухин, а за ним все остальные, причем последним пришлось класть головы на плаху, обгавленную кровью первых.

Пока лилась вся эта кровь, Петр выжидал – еще не уверенный, что заговор раскрыт полностью, но зато убежденный, что сделанное справедливо и необходимо. Когда иностранный дипломат поздравил его с тем, что ему удалось выявить и поразить тайных врагов, царь согласно кивнул. «Если огонь встречает на своем пути солому и другую непрочную материю, то скоро распространяется, – сказал он. – Но если ему встретится железо и камень, он гаснет сам собой».

* * *

После московских пыток и кровавых казней у всех появилась надежда, что дело царевича закончено. Главные нити заговора, если таковые существовали, были уже выявлены и искоренены. Уезжая в марте 1718 года из Москвы в Петербург, Петр взял Алексея с собой. Отец с сыном путешествовали вместе, и это привело наблюдателей к мысли, что их отношения наладились. Но в душе Петра все еще бурлили страхи и подозрения, и его состояние сказывалось на всем государстве. «Чем больше я размышляю о запутанном состоянии дел в России, – писал в Париж де Лави, – тем мне непонятнее, как будет покончено с этими расстройками. Большинство людей, – продолжал он, – все еще надеется и только ждет его [Петра] конца, чтобы погрязнуть в трясине лени и невежества». Главная проблема для Петра состояла в том, что хотя никакого заговора, по сути дела, не выявили, но все равно никто ему не доказал, что царевич – преданный сын, а все стоящие у трона – верные его подданные. Более того, ничего не было сделано для решения самого мучительного для Петра вопроса. Вебер в своем донесении так рассуждал об этом: «Возникает вопрос: что дальше делать с царевичем? Говорят, что его собираются отправить в очень далекий монастырь. Это не кажется мне вероятным, ведь чем дальше царь его зашлет, тем больше шансов он даст неумной черни его освободить. Я думаю, что его снова привезут сюда и поместят в окрестностях Санкт-Петербурга. Я не буду тут решать, прав царь или нет, лишив его престолонаследия и наложив на него отцовское проклятие. Верно одно: духовенство, дворянство и простонародье почитают царевича как божество».

Вебер угадал точно. Алексей формально был свободен, но от него потребовали поселиться в доме по соседству с дворцом Екатерины, и Петр не спускал с него глаз. Царевич был настолько запуган, что этот надзор, казалось, его не тяготил. Он безропотно наблюдал за тем, как схватили его мать, наставника, исповедника, всех друзей и сторонников. Их допрашивали, пытали, ссылали, секли и казнили, а он смиренно стоял рядом, благодарный, что не наказывают его самого. Казалось, он думает только о женитьбе на Евфросинье. Во время пасхальной службы Алексей, как положено, поздравил Екатерину,

а потом упал перед ней на колени и умолял повлиять на отца, чтобы тот позволил ему поскорее обвенчаться с Евфросиньей.

Молодая женщина прибыла в Петербург 15 апреля, но вместо того, чтобы сразу попасть в нетерпеливые объятия истосковавшегося возлюбленного, была немедленно арестована и доставлена в Петропавловскую крепость¹⁷. В ее вещах нашли черновики двух писем из Неаполя, написанных рукой Алексея, одно было адресовано Сенату, другое высшему православному духовенству. В письме к Сенату говорилось: «Превосходнейшие господа сенаторы! Как вашей милости, так, чаю, и всему народу, не без сомнения мое от Российских краев отлучение и пребывание по се время безизвестное, на что меня принудило от любезнейшаго отечества отлучиться не что иное, только (как вам уже известно) всегдашнее мое безвинное озлобление и непорядок, а паче же, что было в начале прошлого года едва было и в черную одежду не облекли меня нуждею без всякой (как вам всем известно) моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всех оскорбляемых утешительницы пресвятыя Богородицы и всех святых, избавил мя от сего и дал мне случай сохранит себя отлучением, от любезнаго отечества (которого, аще бы не сей случай, никогда бы не хотел оставить), и ныне обретаюся благополучно и здорово под охранением некоторыя высокия особы до времени, когда сохранивый мя Господь повелит возвратиться в отечество паки, при котором случае прошу не оставите меня забвенна, а я всегда семь доброжелательный как вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего. Алексей».

Текст письма к духовенству был очень близок к этому, но там Алексей прибавил, что мысль постричь его в монахи проистекает от тех же людей, «которые родительнице моей сие учинили».

Прошло четыре недели, прежде чем состоялось следующее действие драмы. В середине мая Петр надумал порознь расспросить обоих любовников, а потом устроить им очную ставку. Он взял Алексея с собой в Петергоф, а через два дня по заливу водой прямо из крепости привезли Евфросинью в закрытой лодке. Петр допрашивал обоих в Монплезире, сначала девицу, а потом сына.

И здесь, в Петергофе, Евфросинья предала Алексея и обрекла его на гибель. По доброй воле, не под пытками она отплатила своему царственному любовнику – за всю его страсть к ней, за все усилия ее защитить, за готовность отказаться от трона, лишь бы жениться на ней и тихо жить с нею вместе – тем, что возвела на него роковые обвинения. Она в подробностях описала их житье-бытье за границей, все страхи царевича, все его ожесточение против царя. Она рассказала, что Алексей несколько раз писал к императору и жаловался на отца. Что, узнав из писем Плейера о слухах, будто в русских войсках в Мекленбурге мятеж, а в подмосковных городах восстание, он радостно сказал ей: «Ты видишь, пути Господни неисповедимы». Прочитав в газете, что заболел царевич Петр Петрович, Алексей ликовал. Он без конца говорил ей о вступлении на престол и о том, как, став царем, он забросит Санкт-Петербург и все петровские завоеванные земли и сделает Москву своей столицей. Он распустил бы двор Петра и набрал свой собственный. Он бы забросил и флот – пусть корабли гниют. Он сократил бы армию до нескольких полков. Больше никаких войн он вести не собирался и довольствовался бы старыми границами России. Он бы восстановил древние права церкви и чтил бы их.

Свою роль Евфросинья представила таким образом, что получалось, будто Алексей вернулся в Россию только благодаря ее неустанным уговорам. Она заявила, что сопровождала его лишь потому, что он угрожал ей ножом и грозился зарезать, если она откажется. Она и в постель-то с ним ложилась, потому что он заставлял ее силой.

Показания Евфросиньи укрепили многие подозрения Петра. Позже в письме к регенту Франции Петр объявил, что сын «не признавался ни в каких злоумышлениях», пока ему не

¹⁷ Судьба ее ребенка, рожденного от царевича, неизвестна. По некоторым сведениям, дитя родилось в Риге, когда Евфросинья ехала домой. По другим сведениям, она родила уже в крепости. Так или иначе, этот ребенок бесследно исчез со страниц истории.

предъявили писем, найденных у его любовницы. «Из этих писем нам стали известны мятежные умыслы заговора против нас, и все их обстоятельства названная любовница официально и добровольно подтвердила без особенных расспросов».

Следующим шагом Петра было призвать Алексея и предъявить ему обвинения его возлюбленной. Эта сцена в Монплезире изображена на знаменитой картине Николая Ге (1871); царь, в тех самых сапогах, что и теперь хранятся в Кремле, сидит за столом в парадном зале, где пол выложен черно-белой плиткой. Его лицо сурово, одна бровь приподнята: он задал вопрос и ждет ответа. Алексей стоит перед ним, высокий, с вытянутым, осунувшимся лицом, одетый в черное, как и отец. Вид у него встревоженный, угрюмый, обиженный. Царевич смотрит в пол, не на отца, а рукой опирается на стол – ему нужна поддержка.

Это была решающая минута. Под взглядом Петра Алексей пытался выпутаться из петли, затягивавшейся все туже: он признался, что жаловался на царя в письме к императору, но письма этого не отослал. Признал и то, что писал в Сенат и к духовенству, но будто бы сделал это под нажимом австрийских властей, угрожавших в противном случае лишить беглецов своего покровительства. Тогда Петр приказал ввести Евфросинью, и она повторила все обвинения, глядя в лицо царевичу¹⁸. Мир для Алексея разом рухнул, и он стал сбиваться и путаться в показаниях. Он сознался, что письмо к императору в действительности все-таки было отослано. Да, он и вправду плохо говорил об отце, но был пьян. Была речь и о восшествии на трон, и о возвращении в Россию, но только после естественной смерти отца. Это он пояснил пространно: «Я думал, смерть отца близка, когда услышал, что у него что-то вроде падучей. Мне сказывали, что немолодые люди после припадка едва ли могут жить долго, и я рассудил, что он умрет самое позднее через два года. Я думал, что после его смерти смогу выехать из имперских владений в Польшу, а из Польши на Украину, где, я чаял, все встанут за меня. И я был уверен, что в Москве царевна Мария и большинство епископов тоже будут за меня. А что до простых людей, то я от многих слыхивал, что меня любят. Я твердо намеревался не возвращаться при жизни отца, кроме как в том случае, в котором вернулся, то есть когда сам отец меня призвал».

Петр не был удовлетворен. Он вспомнил слова Евфросиньи о том, что Алексей радовался слухам о бунте в русских войсках в Мекленбурге. А это означает, продолжал царь, что, если бы войска в Мекленбурге и вправду восстали, «ты бы принял их сторону уже при моей жизни».

На это Алексей отвечал бессвязно, но честно, и страшно навредил себе: «Если бы это оказалось правдой и они бы меня призвали, я бы присоединился к недовольным, но я не решил, должен я ехать к ним или нет, если меня не позовут. Скорее всего, если бы меня не позвали, я бы испугался туда ехать. Но если бы позвали, я бы поехал. Я думал, что они меня позовут только тогда, когда тебя уже не будет, потому что они задумали лишить тебя жизни, и я не верил, что они тебя свергнут и оставят в живых. Но если бы они меня призвали, даже при твоей жизни, я бы наверно поехал, если они оказались бы достаточно сильны».

Через несколько дней царю представили новые изобличающие улики. Петр распорядился, чтобы Веселовский, посол в Вене, потребовал у императора объяснений, почему царевича принуждали писать в Сенат и духовенству. 28 мая пришел ответ Веселовского. При австрийском дворе поднялся страшный шум. Вице-канцлер граф Шенборн был допрошен по делу в присутствии всех министров, после чего принц Евгений Савойский доложил Веселовскому, что ни император, ни граф Шенборн никогда не приказывали царевичу писать эти письма. Правда заключалась в том, что царевич написал их сам и послал графу Шенборну для передачи в Россию. Шенборн же по своей осторожности писем не отправил, и они остались в Вене. Словом, царевич солгал, да еще впутал в свою ложь имперский двор.

¹⁸ Оставшиеся тридцать лет своей жизни она прожила в Петербурге и даже вышла замуж за гвардейского офицера.

Это было уже слишком. Царевича арестовали и поместили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Были созданы два верховных суда, один церковный, другой светский, чтобы решить, как поступить с узником. В состав церковного суда входила вся верхушка русской церкви, а в состав светского – все министры, сенаторы, губернаторы, генералы, многие гвардейские офицеры. Прежде чем начались заседания судов, Петр, как рассказывает Вебер, в течение восьми дней по несколько часов на коленях молил Господа наставить его, как поступить, чтобы сохранить честь и не повредить благополучию страны. Затем 14 июня в зале Сената в Санкт-Петербурге начались слушания. Прибыл Петр в сопровождении духовных и светских членов суда, отслужили торжественный молебен, прося у Бога водительства в сем небывалом деле. Все собрание разместилось за столами, стоявшими в ряд, и тогда распахнулись двери и окна и пригласили публику: Петр хотел, чтобы все слышали, как идет разбирательство. Четверо молодых офицеров под караулом привели царевича, и начался суд.

Петр напомнил собравшимся, что долгие годы он ни разу не пытался лишить сына права на наследование трона. Наоборот, он всеми силами старался «заставить [Алексея] притязать на престол попытками доказать, что он его достоин». Но царевич, повернувшись спиной к усилиям отца, «совершил побег – бежал к императору, прося его помощи и защиты, чтобы он поддержал и помог ему даже военной силой... ради обретения российской короны». Алексей, по словам Петра, признал, что если бы мятежные части в Мекленбурге призвали его, чтобы их возглавить, то он поехал бы к ним даже при жизни отца. «Так что можно судить по всем этим обстоятельствам, что он думал взойти на трон, но не так, чтобы отец ему трон оставил, а своим путем, с иностранной помощью или силою восстания, даже при жизни отца». Кроме того, в ходе следствия Алексей непрерывно лгал и не хотел говорить всей правды. А так как прощение, обещанное ему отцом, зависело от полного и чистосердечного признания, то ныне это прощение недействительно. После обвинительной речи Петра Алексей «признался своему отцу и повелителю, в присутствии всего собрания властей мирских и духовных, что он виновен во всем поименованном».

Петр просил церковный суд – трех митрополитов, пятерых епископов, четверых архимандритов и других высших иерархов – посоветовать ему, что должен царственный отец делать с сим новым Авессаломом. Церковники отчаянно увиливали от прямого ответа. Это дело, утверждали они, не подведомственно церковному суду. Но принужденные Петром дать более основательный ответ, они свидетельствовали, что если царю угодно наказать своего сына, то Ветхий Завет позволяет сделать это (Исход 21, Левит 20: «Аще кто злоречит отцу своему или матери своей, смертию да умрет», и Второзаконие 21: «Аще кому будет сын непокорлив и губитель, не послушал гласа отца своего... да изведут его пред страцы града своего и пред враты места своего... и да побьют и мужи града сего камением и да умрет»). С другой стороны, сказали церковники, если царь желает проявить милосердие, то и тому есть много примеров в учении Христа – достаточно вспомнить притчу о блудном сыне.

Все еще недовольный этим невразумительным вердиктом, Петр обратился к 127 членам светского суда. Он приказал им судить его сына честно и объективно, «не флатируя (или не похлебуя) мне¹⁹ и не опасаясь того, что сие дело легкого наказания достойно, и когда вы так учините осуждением, чтоб мне противно было, в чем вам клянусь Богом и судом Его, что в том отнюдь не опасайтесь, також и не рассуждайте того, что тот суд ваш надлежит вам учинить на моего, яко Государя вашего, сына не лстя нам и без лицепрятия». 16 июня Петр передал суду полномочия судить Алексея как любого другого подданного, обвиненного в измене «по принятой форме и с необходимым розыском» – то есть с применением пыток.

Получив эти распоряжения и заверения, суд призвал царевича в зал Сената и объявил ему, что «они очень опечалены его прежним поведением, но обязаны исполнить свой долг и, невзирая на его личность и на то, что он сын их всемилостивейшего монарха, его допросить». Сначала был допрос под пыткой. 19 июня Алексей получил двадцать пять

¹⁹ То есть без лести. – *Примеч. ред.*

ударов кнута. Эти страдания не исторгли у него новых признаний, и 24 июня пытку применили вновь. После пятнадцати новых ударов, от которых кровавыми лентами сходила кожа у него со спины, Алексей признался, что говорил своему духовнику, что желает смерти отцу. В этом жалком и униженном положении, готовый признаться в чем угодно, он сказал своему следователю, Толстому, что хотел даже заплатить императору за предоставление иноземных войск, чтобы с их помощью отнять у отца российский трон.

Этого было достаточно. Тем же вечером, 24 июня, высокий суд единогласно и без дальнейших обсуждений, «с сокрушением сердца и слез излиянием» произнес свой приговор. Алексей должен был умереть за «сверх бунтовского, мало прикладное в свете, богомерзкое, двойное, родителей убивственное намерение, а именно в начале на Государя своего, яко отца Отечества и по естеству на родителя своего милостивейшаго». Подписи под приговором составляли почти полный список петровских сподвижников: первым стояло имя Меншикова, за ним – генерал-адмирала Федора Апраксина, канцлера Головкина, тайных советников Якова Долгорукого, Ивана Мусина-Пушкина и Тихона Стрешнева, сенатора Петра Апраксина, вице-канцлера Шафирова, Петра Толстого, сенатора Дмитрия Голицына, генералов Адама Вейде и Ивана Бутурлина, сенатора Михаила Самарина, Ивана Ромодановского, Алексея Салтыкова, князя Матвея Гагарина – сибирского губернатора и Кирилла Нарышкина, губернатора Москвы.

Окончательный приговор зависел от Петра; привести его в исполнение без царского утверждения и подписи было невозможно. Петр заколебался, прежде чем подписывать, но очень скоро события вышли из-под его контроля. Вот как Вебер описывает последний день трагедии: «На другой день, в четверг 26 июня ранним утром царя известили, что тяжкие душевные терзания и страх смерти ввергли царевича в апоплексический припадок. Около полудня другой вестник принес сообщение, что жизнь принца в большой опасности, после чего царь послал за важнейшими людьми своего двора и велел им оставаться при нем, пока третий посланец не сообщил ему, что положение принца безнадежно, он не доживет до ночи и жаждет видеть отца.

Тогда царь, сопровождаемый вышеназванными людьми, отправился к своему умирающему сыну, который при виде отца разразился слезами и, стиснув руки, говорил ему, что он прискорбно и гнусно оскорбил величие всемогущего Господа и царя, что надеется умереть от этой болезни и что даже если выживет, то все равно жизни недостоин, и потому лишь просит отца снять с него проклятие, которое тот наложил на него в Москве, простить ему все его тяжкие преступления, дать ему отеческое благословение и велеть, чтобы молились за его душу.

При этих жалобных словах царь и все присутствующие изошли слезами; Его величество дал трогательный ответ, в немногих словах представил все обиды, кои тот ему нанес, а потом дал ему прощение и благословил, после чего они расстались со многими слезами и причитаниями с обеих сторон.

В пять вечера прибыл четвертый гонец, гвардейский майор, чтобы сказать царю, что царевич крайне желает еще раз видеть его. Сначала царь не хотел исполнить просьбу сына, но наконец окружающие его уговорили, представив Его величеству, как жестоко было бы отказать в этом утешении сыну, который, находясь на грани смерти, возможно, терзается муками совести. Но едва успел Его величество ступить на свой шлюп, чтобы переправиться в крепость, пятый посланец принес весть о том, что принц уже скончался».

* * *

Как же на самом деле умер Алексей? Этого никто не знал тогда, не знает и сейчас. Смерть царевича породила слухи и споры сначала в Петербурге, потом по всей России, а потом и в Европе. Петр, обеспокоенный тем неблагоприятным впечатлением, которое эта таинственная кончина могла произвести за рубежом, велел разослать ко всем дворам Европы длинное официальное объяснение случившегося. Особенно он тревожился по поводу

реакции французского двора, который он посетил совсем недавно, а потому отправил в Париж курьера с письмом к царскому послу, барону Шлейницу, для вручения королю и регенту. В письме Петр изложил все дело и ход судебного разбирательства с официальной точки зрения: «Светский суд, согласно всем Божьим и людским законам, должен был приговорить его [Алексея] к смерти, и только от нашей монаршей воли и от отеческого милосердия зависело простить его преступления или исполнить приговор. И об этом мы известили царевича, нашего сына.

Однако мы еще сомневались и не знали, как решить дело такой великой важности. С одной стороны, отцовское чувство склоняло нас простить его преступления, а с другой, мы видели те бедствия, в которые погрузится снова наше государство, и те несчастья, кои могут приключиться, если мы сжалимся над сыном. Среди этих тревожений Всевышнему... было угодно избавить и нас, и всю державу от всех страхов и бед и окончить дни нашего сына Алексея, который вчера преставился. Когда он осознал, сколь велики совершенные им преступления, и услышал смертный приговор, его поразили род апоплексии. После этого удара, но еще сохраняя рассудок и владея речью, он просил нас навестить его, что мы и сделали в сопровождении министров и сенаторов, несмотря на все причиненное нам зло. Мы застали его в слезах, говоривших об искреннем раскаянии. Он поведал нам, что чувствует на себе десницу Господню и что вскоре он будет держать ответ за все, содеянное в жизни, и что не сможет обрести утешения, если не получит прощения от своего Государя и отца. Затем он вновь говорил про все, что с ним случилось, с сознанием своей вины, исповедался, причастился святых даров, испросил нашего благословения и молил простить его преступления. Мы даровали ему прощение, как требует наш отеческий долг и христианская вера.

Его нечаянная, скорая кончина повергла нас в великую печаль... Мы рассудили, что следует известить вас обо всем с курьером, дабы вы имели полную информацию и положенным образом донесли сию весть до Его христианнейшего величества [короля Людовика XV] и Его королевского высочества регента герцога Орлеанского. Также в случае, если кто-нибудь задумает неподобающим образом осветить эти события, вы будете располагать правдивыми сведениями, чтобы опровергнуть... любые неверные и необоснованные речи».

Вебер и де Лави приняли официальное объяснение и донесли в свои столицы, что царевич умер от апоплексического удара. Но другие иностранцы усомнились, и в ход пошли разные сенсационные версии. Плейер сначала доложил, что Алексей умер от апоплексии, но через три дня сообщил своему правительству, что царевича обезглавили мечом или топором (много лет спустя бытовал даже рассказ, как сам Петр отрубил сыну голову); по слухам, в крепость привозили какую-то женщину из Нарвы – пришивать голову на место, чтобы тело царевича можно было выставить для прощания. Голландский резидент де Би доносил, что царевича умертвили, выпустив из него всю кровь, для чего ему вскрыли вены ланцетом. Позже говорили еще, что Алексея задушили подушками четверо гвардейских офицеров, и Румянцев был в их числе.

Записная книга Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии свидетельствует, что 26 июня около 8 часов утра в крепости собрались царь, Меншиков и еще восемь человек для присутствия на допросе с применением пытки – имя подследственного в журнале не указано. «И потом, быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались, – записано далее. – Того же числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». В «Поденных записках» (дневнике) Меншикова значится, что он тем утром ездил в крепость, где встретился с царем, потом прошел к царевичу Алексею, тяжело заболевшему, и пробыл у него полчаса. «День был при солнечном сиянии, с тихим ветром. В тот день царевич Алексей Петрович с сего свету в вечную жизнь переселился».

Правда же состоит в том, что для объяснения смерти Алексея не нужно никаких дополнительных причин – ни отсечения головы, ни кровопускания, ни удушения, ни даже

апоплексического удара. Сорока ударов кнута хватило бы, чтобы убить любого здоровяка, а Алексей крепостью не отличался, так что душевное потрясение и страшные раны от сорока ударов по его тощей спине вполне могли его прикончить.

Но как бы там ни было, современники Петра считали, что смерть царевича – дело рук самого царя. Многие были потрясены, но при этом общее мнение сводилось к тому, что смерть Алексея разрешила все проблемы Петра. Как докладывал в Версаль г-н де Лави, «смерть принца не оставляет почвы для сомнений в том, что все семена восстания и заговора истреблены окончательно. Никогда еще смерть не наступала столь своевременно для восстановления общественного спокойствия и для избавления от страхов перед угрозой приближавшихся зловещих событий». Несколько дней спустя француз добавил: «Поведение царя заслуживает всяческих похвал».

Петр не уклонялся от обвинений. Хоть он и говорил, что это Господь призвал к себе Алексея, но никогда не отрицал, что сам предал Алексея суду, вынесшему смертный приговор. Царь не успел утвердить приговор, но был полностью согласен с решением судей. Не утруждал он себя и лицемерными изъятиями горя. На следующий день после кончины царевича была годовщина Полтавы, и только что разыгравшаяся трагедия не заставила Петра отложить празднества или сделать их менее шумными. Он присутствовал на благодарственном молебне в честь победы, на пиру, а вечером на балу. Еще через два дня, 29-го числа, в Адмиралтействе спускали на воду 94-пушечный корабль «Лесная», построенный по собственному проекту Петра. Петр был там со всеми министрами, после чего, согласно одному источнику, «состоялось великое веселие».

И все же в церемониале отпевания и погребения царевича отразились мучительные противоречия, терзавшие душу Петра. Несмотря на то что Алексей умер осужденным преступником, погребальные службы проводились согласно его сану. Казалось, что теперь, когда Алексея не стало и он уже не представлял угрозы для отца, Петр хотел, чтобы ему оказывались все почести, подобающие царевичу. Наутро после кончины Алексея тело перенесли из камеры, в которой он умер, в Комендантский дом Петропавловской крепости, где его уложили в гроб и накрыли черным бархатом и богатым парчовым покрывалом. В сопровождении Головкина и других высших сановников государства гроб отнесли в церковь Святой Троицы и выставили для прощания, причем лицо и правая рука, по православному обычаю, оставались открытыми, чтобы все, кто хотел, могли дать последнее целование. 30 июня состоялась панихида и погребение. По распоряжению Петра никто из присутствующих мужчин не надел траура, хотя некоторые дамы были в черном. Иностранных послов на эти странные похороны члена царской семьи не пригласили и посоветовали не носить траура, так как сын государя умер преступником. Тем не менее священник избрал для панихиды слова Давида: «Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой, Авессалом!» – и некоторые очевидцы говорили потом, что Петр зарыдал. Затем гроб отнесли из Троицкой церкви обратно в крепость, а Петр, Екатерина и все высшие сановники (в большинстве своем голосовавшие за смертный приговор Алексею) следовали за ним целой процессией с зажженными свечами в руках. В Петропавловском соборе гроб царевича поместили в новый склеп царской фамилии, рядом с гробом его жены, Шарлотты. К концу года Петр велел выбить новую медаль – словно желал увековечить некую победу. На медали изображены расступившиеся облака и горная вершина, озаренная солнечными лучами, а внизу надпись: «Горизонт очистился».

* * *

Что же сказать об этой трагедии? Была ли это просто семейная драма, столкновение характеров, когда грозный тиран-отец безжалостно терзает и в конце концов убивает своего жалкого, беспомощного сына?

В отношениях Петра с сыном личные чувства неразделимо переплетались с политической реальностью. Характер Алексея, конечно, усугублял противостояние отца и

сына, но в основе конфликта лежал вопрос верховной власти. Двое монархов – один на троне, другой в ожидании трона – имели разные представления о благе государства и ставили перед собой разные задачи. Но каждый столкнулся с горьким разочарованием. Пока правящий монарх сидел на троне, сыну оставалось только ждать, но и монарх знал, что, как только его не станет, мечтам его придет конец и все повернется вспять.

Длинна история распрей в королевских домах, чего в ней только нет: и столкновения характеров между представителями разных поколений, и взаимная подозрительность, и попытки хитростью пробраться к власти, и нетерпеливое ожидание младших, когда же умрут старшие и выпустят власть из рук. Немало есть историй о том, как короли и принцы выносили приговор своим кровным родственникам за измену короне или, проиграв в борьбе, бежали из родной земли и искали убежища при иностранных дворах. При жизни Петра принцесса Мария, дочь короля Якова II Английского, помогла сместить отца с престола. Яков бежал во Францию дожидаться лучших времен, а когда он умер, его сын дважды высаживался на британском берегу, чтобы вернуть себе отцовский трон. Кого тут считать предателем? История неизменно наделяет этим именем проигравшего.

Во времена более отдаленные все подступы к престолу были густо залиты кровью королевских родов. Плантагенеты, Тюдоры, Стюарты, Капетинги, Валуа и Бурбоны из государственных соображений уничтожали своих царственных родичей. Легендарная Глориана²⁰ – Елизавета I Английская на протяжении двадцати семи лет держала в тюрьме свою кузину Марию Стюарт, королеву Шотландии, жизнь которой утекала бесплодно вместе с красотой, и наконец, не в силах смириться с тем, что Мария сменил ее на престоле, велела обезглавить пленницу. Кстати, сын Марии, Яков VI Шотландский, нисколько не был опечален смертью матери: путь к престолу Елизаветы был для него теперь открыт.

Убийство монархами собственных отпрысков – преступление более редкое. Подобное можно найти у древних греков, чьи трагедии вращаются вокруг неясных фигур, полумифических-полубожественных, или в Римской империи, где неприкрытое властолюбие и порочность правящей верхушки допускали любое преступление. В России Иван Грозный убил своего сына железным посохом, но он был взбешен и полубезумен. В смерти Алексея самым странным кажется то, что она была результатом хладнокровного и, по всей видимости, объективного судебного разбирательства. То, что отец мог стоять и смотреть, как пытаются сына, кажется самым зверским из всех известных жестоких эпизодов в жизни Петра.

Но для Петра юридическая процедура была последним официальным шагом, необходимым для законной защиты государства и труда всей его жизни. Очевидно, что им руководила политическая необходимость, а не личная озлобленность. Более того, на взгляд Петра, он еще слишком нянчился с сыном. Кто из его подданных мог получать письмо за письмом, призыв за призывом, в которых царь умолял бы взяться наконец за дело и исполнить его волю? Это была уступка личным отношениям – уступка для Петра немалая.

Допросы выявили, что произносились предательские речи, питались жгучие надежды на смерть Петра. Многих наказали; так можно ли было осудить этих второстепенных виновников и оставить невредимым главного? Именно такой выбор стоял перед Петром, и его же он предложил суду. Сам Петр, разрываясь между отцовским чувством и преданностью делу всей своей жизни, выбрал второе. Алексей был осужден на смерть из государственных соображений. Как и для Елизаветы I Английской, это было тяжелое решение монарха, ставившего цель во что бы то ни стало уберечь государство, на создание которого он положил всю жизнь.

Действительно ли Алексей представлял для Петра угрозу уже при жизни царя? Учитывая характеры обоих, это кажется маловероятным. У царевича не было ни сил, ни желания возглавить бунт. Да, он хотел бы прийти к власти, хотел и смерти Петра, но единственной его программой было выжидать в уверенности, что он желанен всей Руси («А

²⁰ Героиня поэмы Э. Спенсера (1590–1596) «Королева фей», где в аллегорической форме воспета королева Елизавета. – *Примеч. ред.*

что до простых людей, то я от многих слыхивал, что меня любят»). Ну а если бы Алексей действительно сменил царя на троне, разве случилось бы все то, чего боялся Петр? Это тоже не кажется правдоподобным. Да, Алексей не довел бы до конца всех петровских реформ, кое-что повернулось бы по-старому. Но в целом изменилось бы немного. Алексей не был средневековым московским государем. Его вырастили наставники-европейцы, он учился на Западе и путешествовал по Европе, был женат на европейской принцессе, состоял в свойстве с императором Священной Римской империи. Россию не отбросило бы назад к кафтанам, бородам и теремам. История может замедлять шаг, но вспять она не поворачивает.

Наконец, похоже, что сам Алексей смирился с приговором суда и своего отца. Он во всем признался и просил прощения. Его жалкий, почти невольный бунт против великого царя провалился, любимая Евфросинья предала и покинула его, он обессилел от пыток. Может быть, он просто удалился из жизни, как хотел удалиться от правления страной – слишком усталый, чтобы жить дальше, не в силах более существовать во всеподавляющей тени человека, который был его отцом.